

ТИМОФЕЙ ВОРОНОВ

УЗНИКИ
ГОРИЗОНТА

Тимофей Воронов
Узники горизонта

«Издательские решения»

Воронов Т.

Узники горизонта / Т. Воронов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933031-4

Роман-антиутопия о мире, поделенном на две части: сторону воинствующего атеизма и сторону слепой веры. Спустя сто лет железного занавеса стороны пытаются примириться, и студентка Лондонской христианской академии и преподаватель Токийского научно-атеистического университета попробуют доказать себе и миру, что, несмотря на разногласия, у них гораздо больше общего. Невероятная история человеческих отношений на фоне политической борьбы, государственной пропаганды и бесконечного стремления к власти.

ISBN 978-5-44-933031-4

© Воронов Т.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Мир потерянных истин	6
Глава 1. Первые шаги	7
Глава 2. Утро двух столиц	10
Глава 3. Наука! Азия! Атеизм!	17
Глава 4. Новая Азия	21
Глава 5. Выбор прошлого и настоящего	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Узники горизонта

Тимофей Воронов

Редактор Анастасия Казакова

Дизайнер обложки Ольга Третьякова

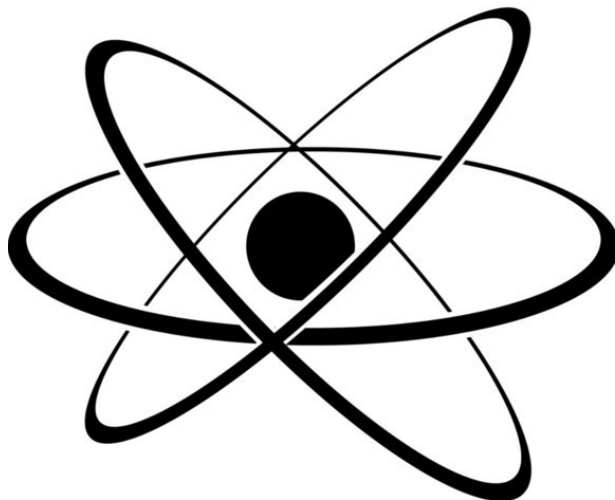
© Тимофей Воронов, 2018

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-3031-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Мир потерянных истин

Глава 1. Первые шаги

Будь другом истины до мученичества, но не будь ее защитником до нетерпимости.

Пифагор

Порой ему не нужно было взвешивать все за и против, а решение казалось очевидно верным только потому, что где-то глубоко внутри он хотел, чтобы оно было таковым. Артур сидел в приемной в ожидании вызова. С самого утра он был в легком напряжении, хотя и осознавал твердую уверенность в своих действиях. Вчера, еще до полудня, он вышел из состава партии консерваторов, которая, по всеобщему убеждению, сулила ему большое будущее. Несколько кликов в личном онлайн-кабинете, и его партийный номер был удален из основной системы и перенесен в архив. Уже к вечеру он получил вызов на объяснительную беседу к председателю партии в местное отделение. Вероятно, для рядового жителя столицы в такой беседе не было бы никакой необходимости, но родословная Артура привлекала к нему много лишнего внимания. Его отец входил в состав правительства и был известной политической фигурой со стороны консерваторов, поэтому выход Артура из состава партии мог быть предметом спекуляций.

Часы отмерили половину девятого утра. В это время Артур уже планировал покинуть здание, и неуместное напряжение стало дополняться неприятным ощущением грядущего опоздания в университет. Он никогда не любил непунктуальность других людей и всегда требовал пунктуальности от себя. К тому же сегодня его ожидала первая лекция в качестве преподавателя. Лучи солнца пробились в проходную и настойчиво били в глаза Артура. Он нахмурился, выступающие скулы стали еще более выразительными, и морщины застыли на широком лбу. Он нервно встал и пересел в другую часть коридора. В это время в стороне открылась нужная дверь.

Председатель консерваторов Токийского района Сумида лично встретил Артура и проводил в кабинет. Не дожидаясь, пока Артур разместится в кресле, он заговорил:

– Скажу прямо: я вызвал вас для того, чтобы переубедить. Я знаю, что у молодых людей вашего возраста считаются нормой бунтовские настроения и желание перемен, но я также уверен, что это лишь вопрос времени. Через год вы вернетесь в партию, и некоторые ее представители возлагают на вас большие надежды. Но есть ли смысл ждать такой срок и наводить тень на имидж верного последователя идейных столпов новой Азии? Это пятно навсегда останется в вашей биографии и никак не добавит политических очков.

– Зависит от целей, – Артур смотрел чуть в сторону от неопрятного мужчины средних лет, пытаясь сконцентрироваться на происходящем вдалеке за окном.

– Что это значит? – мужчина нервно перебирал пальцами карандаш, явно желая выглядеть авторитетно, переигрывая в своей роли и в общем справляясь на удовлетворительно с минусом.

– Я имею в виду, – Артур поднялся с кресла, не отрывая взгляда от линии горизонта, – мой уход совсем не значит бунтовских намерений или оппозиционных идей – я лишь хочу определиться и быть уверенным в своей позиции. Если желаете – я хочу сделать собственный выбор. Мое раннее вступление в партию было волей отца, и я его полностью понимаю. На тот момент я не совсем разбирался в деталях и был консерватором лишь номинально. Сейчас же я хочу рассмотреть все точки зрения, выбрать то, что считаю правильным, и уже тогда вступить в партию, осознанно и уверенно. Ну а пока я буду определяться с этим, я хочу быть беспристрастным, хочу освободить себя от чрезмерного влияния на мое мнение. То есть я хочу быть беспартийным. Полагаю, что это вполне убедительное объяснение, и к тому же я предупредил

отца о своем решении. Разумеется, он не был в восторге, но и не стремился мне возражать. Он уважает мой выбор, и я уважаю его за это.

– Вижу, вы подготовились, – пара седых волосков светилась от проникающих в комнату лучей, и так важный политик выглядел слегка комично, – но вы должны понимать, что вы ведете себя слишком вольно. А вольности – это не то, что красит консерватора. Вы показываете свою неуверенность, а значит – слабость. Человек вашего уровня возможностей в таком возрасте должен заниматься лишь усердной работой и накоплением профессионального авторитета. И у вас есть все шансы для того, чтобы добиться грандиозных успехов. Одна ваша фамилия может открыть перед вами многие двери. Я лишь прошу вас подумать о том, от каких возможностей вы отказываетесь.

Небольшие глаза заиграли от чувства превосходства. Складно и убедительно построенные предложения будто сулили ему неоспоримую победу в дискуссии. Он смотрел на Артура, затаив дыхание среди воцарившейся ненадолго тишины.

– Я вас понимаю, – произнес Артур.

Мужчина выдохнул, медленно кивая головой и расплываясь в улыбке.

– Вы абсолютно правы во всех своих словах, и я согласен. Но я должен быть уверен в том, что это мой личный выбор. Мои возможности никуда не исчезнут. А вот мотивация и желание двигаться в определенном направлении будут куда сильнее, если я приду к этому сам. Меня пугает то, что я по умолчанию должен быть кем-то, в данном случае консерватором, – Артур потянулся к портфелю: – Если вы не возражаете, я должен успеть на лекцию в университет.

– Разумеется... а вы уже преподаете? Я думаю, – мужчина поправил воротник на рубашке, – думаю, что подобные решения могут негативно отразиться на вашей работе, – он явно заволновался и слегка покраснел.

Артур сделал несколько шагов к выходу.

– Мне нужно воспринимать это как угрозу? – он повернулся и посмотрел на председателя, держась за ручку двери.

– Да что вы, всего лишь совет с высоты многолетнего опыта, – он снова улыбнулся, и на этот раз еще фальшивее прежнего.

– Хорошего дня, – Артур открыл дверь. – Спасибо за ваши советы.

Солнце скрылось за облаками, и день снаружи стал слегка мрачным и безжизненным. Длинный плащ Артура развеялся от легкого ветра. Уверенные движения стройного тела создавали впечатление энергичного и уверенного в себе человека. Строгие черты лица, живая мимика и выразительные глаза не оставляли сомнений в глубочайшей идейности и интеллектуальном превосходстве. Артур сел в электро, и она быстро направилась к университету.

***

Пожилая дама перебирала документы и бубнила себе под нос: «Артур Мори – какое вычурное рычащее имя, звучит дико, как и его поступки». Ее пальцы спешно скользили по бумаге, и казалось, что быстрые руки функционируют отдельно от застывшего неподвижно тела.

– Что вы сказали? – Дэниел поднял голову, оторвавшись от проверки формы с персональными данными. – Я не услышал.

– Я говорю, что ваш коллега – Артур – поступает крайне глупо, поворачиваясь спиной к консерваторам. Мальчик губит свою карьеру. Вы согласны?

– Да, конечно, давайте завершим процедуру, – Дэниел пристально смотрел в глаза пожилой даме. – Все данные верны?

Она встрепенулась:

– Вы, наверное, так взволнованы: новое назначение, реальная работа. Я покажу ваш стол, идите за мной. Я так рада за вас и за таких молодых людей, как вы, вы – наше будущее.

Дэниел шел по коридорам, не разделяя энтузиазма восклицающей дамы. Он понимал, что впереди его ждет много рутинной бюрократической работы, но ему был нужен формальный опыт и признание, что приведет его однажды в правительство. Он чувствовал в себе публичного политика и рисовал в своих мечтаниях образ невероятно успешного и любимого всеми чиновника высшего эшелона, влияющего на судьбы людей и курс страны. А курс был давно определен и твердо закреплен в новом мире Объединенной Атеистической Азии. Когда дама скрылась за углом коридора, Дэниел рухнул на стул и написал сообщение Артуру: «Самое унылое место во всей Азии, уже начал тебе завидовать».

Формально же Дэниел был рад своему первому назначению. Активная поддержка консерваторов во время учебы в ведущем университете Токио, проведение мероприятий и пропагандистская работа с младшими курсами помогла ему познакомиться с несколькими влиятельными представителями высшей власти. Назначение его специалистом в центральном столичном отделении партии давало ему престиж и бесценный опыт во внутренней кухне главной партии страны. Он понимал, что является элементом системы, и желал им быть, правда, лишь очень важным и большим элементом, на который все бы смотрели снизу вверх и восхищались его положением.

В соответствии с инструкцией, в первый день Дэниел должен был познакомиться с презентацией, представляющей основные идеи и цели партии, а также прочитать все необходимые для оформления документы. Время тянулось катастрофически долго, и пара часов, потраченных на выделенные процедуры, показалась вечностью. После окончания всех пунктов инструкции Дэниел сразу покинул здание, и быстрая электро унесла его в одно из шумных заведений вечернего города.

Солнце не спеша покидало острова Японии, направляясь к землям Вовлеченного Христианства. В окнах столицы медленно загорались огни, на улицах светили фонарные столбы и громадные цифровые билборды, что во мраке становились еще более убедительными:

Новый мир без фальшивых призм!
Наука! Азия! Атеизм!

Громадные буквы призывали каждого восхищаться провозглашенным превосходством Объединенной Азии. Мелькающие электро не давали городу покоя. Несмотря на непоздний вечер, шумные потоки людей уже покидали улицы. В полумраке засыпающий город казался лишенным недостатков. Идеально спокойная, но в то же время живая картина размеренно бьющегося сердца столицы впечатляла масштабами и гармонией. Яркий, но мягкий свет, негромкие свидетели этого творения и скромное величие статных небоскребов. Люди исчезли с улиц, но электро по-прежнему мелькали светом фар. Они разъезжались по заданным ранее местам или перевозили заказанные товары, которые будут ждать своих адресатов рано утром. Чуть позднее, словно боясь разбудить задремавшего человека, их свет начал блекнуть, и остаток ночи по дорогам следовали лишь беззвучные очертания. Кромешная тьма, незаметно утопившая кольцо окраин города, уверенно разрасталась в течение всей ночи, едва не захватив еле пульсирующий центр мегаполиса, но вместе с первыми лучами вернувшегося солнца она быстро растворилась, будто испугавшись возрастающего шума полусонных кварталов.

Глава 2. Утро двух столиц

Нет ничего опаснее для новой истины, чем старое заблуждение.
Иоганн Вольфганг Гете

На другом конце мира солнечные лучи пробивались через серое небо утреннего Лондона. Казалось, что погода не может выбрать между тем, чтобы начать дождь, бросая местами мелкие капли, и тем, чтобы оставить город сухим хотя бы на день. Несмотря на погоду, столица уверенно просыпалась, шумела, а людям будто совсем не было дела до хмурого неба – они привычно спешили, думая лишь о дневных заботах.

Среди тысяч спешащих куда-то фигур ее плавные движения выбивались из картины шумящего дня. Медленно и размеренно, от квартала к кварталу, сквозь толпу, словно скользя по улицам города. В сравнении с ней все люди вокруг казались неуместно суетливыми. Ее улыбка поднимала настроение каждому, кто улавливал ее в нескончаемой рутине утренней столицы. Легкие движения изящных рук, тонкие ноги, что словно исполняли незримый танец, тщательно замаскированный под городскую суету.

Несколько капель, упавших на светлую ткань, оставили влажные полосы на длинном плаще Софии. Проскальзывая между людьми, она быстро перешла дорогу и направилась к небольшому храму. Густые волосы развевались от быстрого движения и небольшого ветра и беззвучно бились о руки и плечи незнакомцев вокруг. Повернув к двери, она поблагодарила юношу, открывшего ей, и, словно пройдя в ворота другого мира, окунулась в атмосферу тепла и покоя. Пройдя вглубь храма, она присоединилась к группе и начала утреннюю молитву.

Ребенок в стороне отчаянно кричал, пытаясь не дать окунуть себя в прохладную воду. Но он был еще слишком слаб, чтобы сопротивляться воле людей старше него. Воодушевленные родственники стояли рядом. Его окунули в третий раз, бабушка спешно подошла и укутала дитя в полотенце. Обряд был завершен, и уже через пару минут мальчик пришел в себя. По закону практически на всей территории Христианского Запада католическое крещение должен проходить каждый ребенок в течение трех лет после рождения.

В каждой школе была небольшая духовная семинария, а в ученый совет любого высшего учебного заведения входили представители церкви. Факультет теологии сразу после появления попал в список самых популярных направлений, выбираемых молодыми абитуриентами.

София проводила взглядом укутанное дитя, исчезнувшее за дверями храма. Она закончила утреннюю молитву и поспешила домой – в соседнее здание через дорогу, чтобы по традиции приготовить на завтрак омлет и кофе.

Проходя к выходу через огромный зал, она разглядывала фрески на потолке и пыталась понять схему постройки, которая заставляла выделяться лучи падающего света, создавая впечатление присутствия высших сил. Она осознавала, что это результат архитектурного замысла, но все же не умаляла замысла Бога и его незримого участия.

Снаружи она снова окунулась в поток мегаполиса со всем его шумом и толпами людей в бесконечной спешке. София так же быстро направилась к дому, пытаясь разглядывать происходящее вокруг. Ей нравилась суета по утрам, и, пробираясь сквозь бетон города, она старалась подмечать детали и тонкости яркой столичной жизни. Зайдя домой, она порадовалась воцарившейся тишине и скинутым с ног туфлям, в которых всегда ходила на утренние службы. Несмотря на крайне серьезное отношение к своей вере, ее всегда забавляли укоряющие взгляды старшего поколения, оборачивающиеся на цоканье каблучков по гранитному полу. Она не видела в этом ничего дурного и поэтому из раза в раз повторяла эту маленькую шалость. Приготовив завтрак и сев у самого окна, София протянула руку и убрала шторы в сторону. Утренний Лондон заливало дождем, а София увлеклась размышлениями, глядя в

в мокрых прохожих. Она жила одна в небольшой комнате, на окраине города, куда переехала из глубинки после школы. Хозяйка квартиры была милостивой старушкой, которая относилась к Софии как к дочери или, скорее, внучке, всячески угощая ее и стремясь делиться советами. Внутреннее убранство комнаты было самым простым, местами обветшавшим и давно вышедшим из моды, но Софию это мало волновало. Ей было достаточно простого порядка, в остальном все, что ее заботило, – это место, где она могла спокойно читать, рисовать, молиться, размышлять на различные темы и оставаться подолгу наедине с собой.

На середине пути к университету на асфальт упала последняя капля дождя, и София порадовалась посветлевшему небу. Город будто стал счастливее, и люди вокруг чуть сбавили темп, обратив внимание на прекрасный мир вокруг них. Пройдя два квартала вперед и свернув за площадью Рассел, она увидела здание еще одного храма – храма знаний.

Лондонская Христианская академия – поистине колоссальный образовательный комплекс, появившийся в результате объединения нескольких учебных заведений, театра и городской библиотеки в одну органичную территорию, который поражал масштабом пространства и мысли. Самая популярная академия и мечта любого абитуриента новой Европы Вовлеченного Христианства. София неспешно направлялась к центральному входу, наблюдая за сонными студентами, нехотя стягивающимися к академии.

Она распахнула высокие двери, что расположились под огромным символическим католическим крестом, и вошла внутрь здания. За проходной и небольшой лестницей сразу были расположены ряды скамеек и столов, где, хоть и было много студентов, царила невероятная тишина. В самом верху над ними был расположен большой купол. Свет попадал в здание по принципу, схожему с церковным, создавая впечатление отдельных лучей света и благодатной атмосферы. Несмотря на отсутствие официальных правил по поводу шума, в академии всегда царили покой и относительная тишина. Центральный зал также был украшен известными иконами, в точности воспроизведенными на стенах университета знаменитыми художниками современного Лондона.

София медленно поднялась по ступенькам и, присев на краю скамьи, развернула утреннюю газету. На первой странице традиционно было приведено размышление известного церковного деятеля по поводу одной из десяти заповедей и одного смертного греха. Далее – последние инициативы правительства, затем колонка о проблеме разводов, еще одна страница, и вот София, как обычно, быстро пролистала до самого конца, где располагались новости о прогнившей Азии и предательской Австралии.

***

Восьмью часами ранее утро уже встретила другая столица. Прохлада, казалось, приходила от самого океана, и бирюзовое небо было невероятно светлым. Город был в еще большей спешке. Крупнейший мегаполис мира встречал утро со свойственной нервозностью, сохраняя точность работы отточенного годами механизма безупречной системы. Его артерии, заполненные потоками автомобилей и людей, как часы, двигались в едином порыве. Тик – и сотни тысяч людей еще на шаг протолкнули человечество вперед к новому дню.

Артур остановил электро перед клиникой и еще минуту ждал, пока закончится игравшая песня. Времени было немного, но он никогда не любил еженедельные осмотры терапевта и поэтому не спешил на прием. Он провел рукой по логотипу «Атом Индастриз» на приборной панели, проскользил пальцами к ручке и медленно открыл дверь автомобиля. Солнце ударило в глаза, и он быстрыми шагами направился к стеклянным дверям. Белые коридоры клиники наводили тоску и мешали собраться с мыслями. Артур всегда страдал от рассеянности утром, и для того чтобы прийти в себя, ему нужен был час-полтора покоя. Он сел на мягкий

диван перед кабинетом терапевта, отметив его невероятное удобство, и начал всматриваться в небольшое окошко кабинета напротив, где виднелась ухоженная прическа молодой матери.

Тем временем ее ребенок отчаянно кричал, пытаясь не дать вколоть в себя очередную инъекцию, но он был слишком мал, чтобы сопротивляться воле людей старше него. Второй шприц содержал комплекс прививок с ослабленными вирусами и бактериями, заставляющими развиваться иммунную систему. Шприцом ранее из него извлекли немного крови для дальнейших исследований, а шприцом позже он получит универсальную порцию полезных для развития организма витаминов и элементов.

Эту процедуру периодически и в обязательном порядке должен был проходить каждый ребенок, родившийся в Японии, а также в большинстве стран Объединенной Атеистической Азии.

Артур проводил взглядом дитя на руках матери, скрывшееся за дверью клиники, и направился на осмотр.

Десятью минутами позже, выскочив из стеклянных дверей, Артур спешно сел за руль, и электро понесла его через бесконечные кварталы столицы. Задав конец маршрута и поставив на автопилот, Артур загрузил утреннюю газету. Пробежавшись взглядом по основным новостям текущего утра, он перешел к краткой сводке результатов работы правительства и главных чиновников столицы. На официальном сайте электронного правительства был доступен более широкий отчет производительности, но новостные издания обычно обходились основными цифрами.

– Второе испытание парящей электро! – голос из приемника сменился с официального на развлекательный. – Первая попытка «Феникс Инкорпорейтед» закончилась полным и безоговорочным крахом. Она просто не взлетела! Многие решили, что представленная на конференции «Атома» в прошлом году демонстрация была умелой постановкой. Некоторые считают, что технология просто не была доработана, но создатели верили, что успеют завершить все к первым датам испытаний. Сегодня вечером мы узнаем, поднимется ли электро в этот раз или весь этот шум – просто шоу и очередной пиар.

Подъезжая к центральному вокзалу, Артур вглядывался в толпу в поисках группы своих студентов. Оставив электро на зарядной станции, он направился к поезду. Микки встретила его в начале платформы. Высокая светловолосая девушка просто излучала радость и всегда невероятно мило улыбалась, приветствуя Артура. Ее легкая обтягивающая куртка была застегнута наполовину, длинные волосы выправлены наружу и аккуратно огибали плечи. Живая и стройная, она была из тех девушек, что поражают внутренней энергией и влюбляют в себя сочетанием интеллекта в работе и игривости в обычной жизни. Слегка нагнувшись вперед, она дотронулась до руки Артура чуть выше часов и рассказала, что вся группа уже расположилась в головном вагоне. Словно ведя его в верном направлении, она шла чуть впереди, скользя по поверхности платформы, почти не касаясь асфальта белоснежными балетками. Чуть выше были голые лодыжки и обтягивающие джинсы, подчеркивающие подтянутую фигуру, длинные ноги и бедра, что, хоть и имели округлую форму, совсем не были широкими. Она быстро заскочила в вагон и присоединилась к остальной группе, а Артур сел напротив нее у окна.

Скоростной поезд мчался так быстро, что, казалось, утренние лучи солнца не успевали за ним. Токио постепенно исчезал, стеклянно-бетонные высотки окраины плавно сменялись ухоженными дачными участками и фермерскими хозяйствами, пригород наполнялся теплым светом, и природа тихо оживала, встречая новый день. Он смотрел на мелькающие здания и размышлял о том, как преобразилась Япония за последние десятилетия. Еще никогда прежде эти места не знали такого яркого процветания и непрекращающегося бурного экономического роста. Постоянные реформы и программы улучшений всех областей человеческой жизни приносили грандиозные плоды, и ежемесячные статистические отчеты результатов работы правительства показывали, насколько эффективным стало общество и государство. Он закончил

читать отчет по улучшениям в сельском хозяйстве и начал пристально рассматривать фермерские участки, как бы пытаясь обнаружить реальное подтверждение увиденных цифр. Хозяйства действительно выглядели процветающими. Группа студентов сидела рядом и в другом конце вагона. Все живо обсуждали различные темы, преимущественно говоря о грядущей экскурсии на подземную атомную электростанцию. Абсолютное большинство из них никогда не бывали на подобных станциях, но много слышали о них, и поэтому их любопытству не было предела. Он оторвался от окна сразу, как закончились фермерские хозяйства, обращаясь к студентам:

– Вы знали, что этот поезд был сконструирован выпускниками нашего университета еще в 2051 году, и даже глава «Атом Индастриз» когда-то заканчивал экономический факультет Токийского Научно-Атеистического? Максимальная скорость – 1200 километров в час и является самой высокой как в Атеистической Азии, так и в Христианской части света. Хотя в обычных рейсах они не разгоняются больше 800 километров в час. Совсем скоро такие поезда пустят от Токио до Шанхая и Гонконга, а потом, кто знает, может быть и до Нью-Дели.

Студенты быстро затихли, внимательно слушая. Он явно был для них авторитетом и завоевал их доверие с самого начала, ведя свою первую лекцию в университете.

– Артур, скажите, – смотря в сторону и накручивая волосы на палец, Микки явно представляла озвученное в своей голове, – а в Австралии есть такие поезда?

– Откуда же мне знать, я никогда там не бывал. Но думаю, что нет. Мне кажется, что люди там не так сильно спешат, как мы с вами, и в таких скоростях не нуждаются.

Она повернулась к Артуру, задержала на секунду взгляд на нем:

– Почему вы так считаете?

– Знаешь, Микки, когда ты всю свою жизнь живешь в обществе, в котором установлены какие-то правила, нормы, ценности, тебе начинает казаться, что это устройство общества единственно верное и по-другому быть не может. Но я уверяю тебя, что наше стремление к эффективности, невероятные инвестиции в научный прогресс и даже отношение друг к другу в Христианском мире воспринимаются негативно. Там все устроено иначе. И Австралия не исключение в этом вопросе. И если они сохранили то устройство, за которое боролись, то они сейчас живут гораздо более размеренно, чем мы, я бы сказал, спокойнее.

Вы ведь знаете, что, когда мир начал раскалываться на две части, Австралия не захотела принимать ни одну из сторон. Она страстно боролась за сохранение ценностей двадцать первого века. Конечно, эти ценности нам сейчас могут показаться старомодными, но я уверен, что другой жизни они не хотят и по сей день. Иначе они бы давно присоединились к одной из сторон.

Глаза Микки были наполнены любопытством:

– Вот бы попасть туда хотя бы на один день. Неужели они никогда не откроют свою границу для других государств?

– Дело в том, Микки, что Австралия – довольно самодостаточная страна, у них есть определенное количество ресурсов и территорий, чтобы поддерживать высокий уровень жизни. Да и к тому же история показывает, что в моменты напряженности политики зачастую закрывают глаза на экономические выгоды или потери и руководствуются целями, связанными с идеологией, контролем власти, безопасности и так далее. Мы более девяноста лет назад дали начало этому расколу. Наше правительство понимало все возможные экономические потери, которые обрушатся на страну в первые годы после принятых решений. Но мы не могли поступить иначе. На кону была безопасность всего населения нашей страны или, быть может, всего мира. Мы приняли верное решение, пусть нас и не поддерживают в этом остальные части света. Поэтому и для Австралии нет смысла открывать границу. Она преследует конкретные цели, и лишняя открытость угрожает этим целям. Граница может быть открыта, только если спадет вся эта напряженность. Ведь сейчас все страны стараются не рисковать и ведут себя очень осторожно.

Поезд начал замедлять ход, и все студенты уставились в окна, рассматривая вдалеке территорию атомной станции.

Только Микки продолжала смотреть на Артура:

– Я не понимаю, как это все могло произойти. Мне казалось, что после Второй мировой войны развитые страны должны были выстроить что-то более надежное и не допускать таких ошибок.

Артур снисходительно улыбнулся:

– Однажды ты осознаешь, что человечество никогда не научится. Такова природа людей. Они разные. У каждого свой взгляд на то, как должен быть устроен мир, поэтому он всегда будет наполнен разнообразием, и все будут тянуть одеяло на себя. Мы обязательно вернемся к этому вопросу на следующем занятии по истории. А пока... – Артур встал, обращаясь к студентам: – Берите все свои вещи и организовано выходите за мной. Не спешите и не толпитесь, времени у нас много.

Студенты быстро распределились по двум ожидавшим их автобусам и направились к станции. Автобусы, как и весь транспорт в Японии, были электрическими. На тот момент все транспортные средства с бензиновыми и дизельными двигателями облагались такими большими налогами, что пользоваться ими не было никакого смысла. В то же время компании, занимающиеся электрокарами, уже не первый десяток лет получали всевозможные дотации государства. Таким образом в довольно короткий срок удалось полностью заменить транспортные средства на электрические. Некоторые автомобильные компании обанкротились. Однако самые крупные производители смогли переналадить производство и выпускать электрокары. Самым крупным игроком на рынке электро стал «Атом Индастриз» – компания, которая продвигала новейшие технологии в самых разных сферах и успела стать одним из крупнейших предприятий страны.

Пятиметровый забор с тонкими стальными пластинами, торчащими наверху, огораживал всю территорию станции. С двух сторон были расположены ворота. К одним подходила железнодорожная ветка, вторая была предназначена для прохода людей и проезда автомобилей. Над воротами висела большая надпись: «ПАЭС №4». Проехав под ней, автобус остановился у первого здания, рядом с которым студентов уже ожидали сотрудники станции.

Седоволосый мужчина дождался выхода последнего студента и громко произнес:

– Добро пожаловать на Подземную Атомную Электростанцию повышенной безопасности. Заходите, внутри есть чай и кофе, рассаживайтесь в зале справа, я покажу все, что смогу, и расскажу все, что знаю.

Студенты быстро расселись в аудитории, некоторые достали экраны и приготовились слушать. Встречающий их мужчина поднялся на сцену и поприветствовал студентов еще раз:

– Всем доброе утро. Меня зовут Такеши Гито, я технический директор этой станции.

Обычно презентациями занимается отдел персонала, но я в прошлом вел лекции в университете и люблю студентов. К тому же я смогу рассказать гораздо больше, и поэтому я балую себя иногда подобными презентациями. В общем, вы прибыли на одну из самых современных и самых безопасных атомных станций в мире. Схема работы достаточно проста. Есть ядерный реактор, в котором происходит распад радиоактивных элементов. Процесс этот сопровождается выделением большого количества тепла. Этой энергией подогревается поступающая вода. Образовавшийся пар подается на турбину, которая, в свою очередь, соединена с генератором, вырабатывающим электроэнергию. После этого пар конденсируется, снова превращается в воду и заново отправляется к реактору. И так по кругу. Энергия генератора – подогрев воды – пар на турбину – электроэнергия от генератора в город. Запомнили? Как вы понимаете, основную опасность составляет ядерный реактор, в котором находятся все радиоактивные вещества. Однако трубы, по которым поступает пар к турбине, также связаны с реактором и могут высвободить радиацию в случае аварии. Поэтому недостаточно разместить под землей лишь реак-

тор: турбина и генератор также располагаются внутри. От генератора идут довольно крупные провода, и вот только они выходят наружу, несут энергию к наземному электроблоку и распределяют электричество в различные города. К сожалению, увидеть вживую большинство из того, о чем я сказал, вам не удастся, но вы сможете посмотреть на все схемы и увидеть изображение с камер видеонаблюдения. На земле расположены только электроблок и административное здание с управляющими и операторами. Под землей все автоматизировано, и ежедневно туда спускаются только несколько человек, которые совершают объезд территории на автоматическом лифте. Выход из лифта происходит только в случае поломок, которые не могут исправить автономные ремонтные машины. Но такого не происходило уже несколько лет. А сейчас мы пройдем по офисам операторов, которые следят за всеми процессами.

Студенты последовали за профессором Гито и провели несколько часов, изучая работу станции. После экскурсии и обеда они неторопливо побрели обратно к автобусам. Кто-то живо обсуждал увиденное, кто-то сел и уставился в окно, размышляя о чем-то своем, кто-то думал о том, что вернется однажды сюда в качестве сотрудника. Артур же в очередной раз, смотря, как работает станция, вспоминал, как это создавалось. Все произошло еще до его рождения, но имело к нему непосредственное отношение, так как его дед был одним из основателей первой подземной атомной станции повышенной безопасности в Японии. Он мигрировал в Японию из России, будучи молодым ученым, только начавшим реализовывать перспективные проекты в разных точках света. После свадьбы с японской художницей он окончательно остался в Токио и занимался атомной энергетикой, проектируя первую и последующие ПАЭС. А в конце своего пути он читал лекции по физике в уже образовавшемся тогда Токийском Научно-Атеистическом университете. Его сын – отец Артура – не разделил интересов деда и построил карьеру в политике, страстно поддерживая новую идеологию Атеистической Азии.

Артур же пошел по стопам деда. Разделяя новые ценности новой Японии, он все же решил посвятить себя науке. Он так же интересовался атомной энергетикой, участвовал в проектах по строительству новых ПАЭС и сразу после защиты докторской начал вести лекции и семинары в Токийском Научно-Атеистическом. Помимо физики, он также вел факультативный курс истории с XX века и до современности, так как история занимала значимое место в его жизни и интересах.

Свое имя Артур получил также в честь деда, разве что ударение сместили на первый слог для более современного звучания. Карьера молодого ученого в современной Японии была идеальным вариантом. Как говорил лучший друг Артура – Дэниел – после защиты докторской по физике, «ученые – это новые звезды». Помимо звания молодого ученого, Артур был весьма привлекателен. Высокий рост – около 185 сантиметров, спортивное телосложение, темные волосы и серо-голубые глаза. Европейские черты, исходящие от его корней, делали его внешность достаточно уникальной для азиатского населения, даже с учетом того, что после идеологических изменений и перед закрытием границы в Японию успело въехать много мигрантов из западных стран.

Размышляя о своем прошлом и своих предках, Артур не заметил, как автобус покинули уже все студенты. Он оглянулся вокруг, в спешке схватил сумку и вышел к железнодорожной станции. Поезд прибыл через 10 минут, строго по расписанию.

Это был классический по виду маглев. Поезда этого типа разрабатывались еще в конце XX века в разных странах и успешно курсировали в первые десятилетия XXI века в Японии и Китае до закрытия границы. Название концепта «maglev» – сокращение от «magnetic levitation» – «магнитная левитация». Современные маглевы обладали схожим дизайном, только имели обновленные внутренние конструкции и располагали большей мощностью, что создавало дополнительный скоростной потенциал.

Основной смысл концепта заключался в так называемой магнитной подушке, которая позволяла поезду как бы парить над путями. Создаваемые магнитные поля на поезде и путях

отвечали за поддержание и разгон. Большая часть пути поезда пролегла в специально сконструированном туннеле, который представлял собой большую трубу с разреженным воздухом. Так как трение поезда с путями отсутствовало из-за магнитной левитации, единственным сдерживающим фактором было трение воздуха. Поэтому воздух в туннеле и был разреженным, и состояние внутри туннеля стремилось к вакууму, что давало возможность развивать более высокую скорость.

Группа еще не успела обсудить увиденное на станции, как по громкоговорителю объявили о прибытии на центральную станцию столицы. Студенты прощались друг с другом, покидая маглев. Артур не спешил выходить, продолжая размышлять о своем прошлом. Микки постучала в окно снаружи поезда и, улыбаясь, помахала Артуру. Он кивнул, слегка улыбнувшись, и потянулся за своей сумкой. Настроение было неподходящим, чтобы сидеть дома. Он решил прогуляться по городу и найти уютное место для ужина.

Почти два часа он шел от центральной станции до набережной своей любимой реки, слушая музыку и рассматривая город со всеми его системами, бесконечным потоком людей и машин, так невероятно организованными и сосуществующими в мире и гармонии. Вечер был достаточно теплым, хотя от воды веяло прохладой. Он зашел в небольшой семейный ресторан и заказал лапшу с кусочками жареного мяса. Небо медленно темнело, но город продолжал шуметь, выжимая последние мгновения перед комендантским часом. Правильный режим – залог эффективности человека. А правильный режим в масштабах города – успех всей экономики столицы. Поэтому после 11 вечера город мгновенно становился пустым. Все расходилось по домам осознанно, даже не думая о том, что должны делать это по закону. Солнце исчезло. Город стал абсолютно другим, наполненным огнями и мерцаниями фар. С этого момента люди делились на два лагеря: первый, который составлял абсолютное большинство бредущих домой, и второй, который ловил электро до района Минато – улицы клубов и единственного места в городе, где было легально находиться после коменданта. Он приглашал всех, кто хотел насладиться вечерней тоской или ночным весельем. Но Артуру не было интересно ни то, ни другое. Он вышел из ресторана и направился домой. Его разум был чист, цели ясны, и планы в голове создавали твердую почву под ногами. Он всегда готов к новому дню, и следующий не был исключением.

***

Стук копыт отмерял секунды до заката. Темно-красное зарево провожало уходящий день. Легкий ветер трепал ее волосы, дрожащие на легком скаку. Чуть в стороне фермеры не спеша завершали вечерние дела. Кто-то убирал листья, кто-то загонял скот. Пригороды Лондона всегда отличались невероятной гармонией и покоем. София часто приезжала сюда в конце недели отдохнуть и покататься на лошадях.

Она наблюдала за природой, восхищалась красотой заката и играла с животными фермерских угодий. Местные хорошо знали ее. Она часто привозила маленькие подарки и заводила с ними долгие разговоры. Здесь она старалась радоваться каждой мелочи и ловить красоту каждого момента.

Каждый вечер загородного волшебства она завершала молитвой. Она уходила далеко от домов, бродила среди диких трав и общалась с Богом. Она говорила ему о своих мыслях, душевных переживаниях и делилась планами на будущее. А после тихо сидела, наблюдая, как он отвечает ей через неповторимую красоту природы угасающего дня.

Глава 3. Наука! Азия! Атеизм!

*И познаете истину, и истина сделает вас свободными.
Евангелие от Иоанна, 8:32*

Тусклый свет фар пробивался сквозь рассеивающийся утренний туман. Электро на дорогах было больше, чем людей на улицах. Шум и свет разгоняли мрак с центральных дорог в еще спящие переулки. Тексты билбордов будто становились ярче и яснее. Группа школьников, направляющаяся в музей истории атеизма, несмотря на хмурое утро, живо оттачивала неоспоримое знание:

Древние мифы, смешные приметы
Мы заменили научным предметом!
Диким народам оставили веру.
Мы для планеты всей стали примером!

Живые лица повторяли стихи рефлекторно, будто они впитались в умы с молоком матери. В то же время в глазах не было и толики неприязни или гнева. Лишь поток слов, что не имел для них еще никакого смысла. Зазубренный посыл, что должен томиться в подсознании до нужного момента.

Вход в музей украшало символическое изображение атома, установленное в самом центре гостиного зала. Чуть в стороне на небольшом кресле располагалась гипсовая фигура Демокрита – древнегреческого философа, который впервые предложил анатомическое представление частиц материи. Дети ровной линией растянулись от самого входа до конца первого зала и словно с определенным заранее временным интервалом начали продвигаться от комнаты к комнате, рассматривая скульптуры и портреты известных ученых разных времен, читая их истории открытий и преодоления границ человеческого разума. Комнаты были разбиты хронологически и по научным сферам. Они рассказывали о важнейших вехах научной мысли, фундаментальных открытиях, что меняли течение человеческой истории и вели от древних государств к Великой Атеистической Азии.

Композицию завершали мрачные залы с краткой историей основных мировых религий, описанием череды безумств, что были совершены во имя веры, а также событий и поступков, что тормозили научный прогресс и стремились сохранить каноны и традиционные устои каждого времени.

В самом начале детей встречал Евклид, повествующий об основах математики. Его окружали тексты и иллюстрации по планиметрии и стереометрии, дополненные основами теории чисел. Его труды и добрая слава стали базой для дальнейшего развития предмета и послужили великим вкладом в формирование истинного мышления человека. Пифагор был расположен неподалеку, и его уголок также рассказывал об основах математики, опуская религиозно-философскую деятельность великого грека.

Вход в отдельный зал, посвященный развитию медицины, охраняла статуя Гиппократов. Его заслуги отмечались как особо важные для развития человека. Именно он боролся с верой в проклятия и порчи и исследовал болезни человека научными методами.

Платон и Аристотель, как отец с сыном, встречали детей объемными фигурами в следующей комнате и обогащали молодые головы отрывками философских трактатов, что прославляют научное мышление во всех сферах жизни человека.

В конце комнаты была расположена небольшая ванна с льющейся через край водой и фигурой Архимеда. Инсталляция повествовала об открытии выталкивающей силы, а тексты неподалеку содержали основные открытия ученого в области геометрии, механики и физики.

Исааку Ньютону была отведена отдельная комната, где он рассказывал о физике, математике и астрономии. Такой же чести были удостоены еще четыре великих ученых: Дмитрий Менделеев с залом основ химии и Альберт Эйнштейн с залом феноменов физики, Никола Тесла с залом, посвященным энергии и электричеству, и Леонардо да Винчи с его невероятными изобретениями и доказательствами необозримых границ интеллектуального потенциала человека.

В конце экскурсии дети познакомились с крестовыми походами, ужасами святой инквизиции и попытками церкви пресекать научные открытия в угоду священным писаниям.

В завершение они посмотрели небольшой фильм о Западе Вовлеченного Христианства, где в иронической форме рассказывалось о быте и традициях глубоко верующих соседей. Они видели утренние молитвы и мрачные отпевания, крещения и священные праздники, и весь зал заливался смехом и толикой презрения от еще юных зрителей.

Уже к полудню группа вернулась обратно в школу, где их ждало просветительское занятие с представителями Токийского университета. Это было личным проектом Микки Юи. Она всегда любила учить детей и еще на первом курсе задумалась о проведении лекций в школах столицы. И хотя на старших курсах она набрала волонтеров, которые выступали с ее материалами, иногда она продолжала проводить занятия сама.

Гул нетерпеливых школьников затих, как только она вошла в аудиторию. Живая и яркая, в разноцветном платье, развевающимся от ее стремительных, но тихих шагов. Словно она сама только собирается покинуть школьную скамью. Но видимая детскость исчезала каждый раз, когда она начинала свою речь. Она непрерывным потоком строгих слов выливалась на детей неоспоримые истины нового государства, разбавляя выступление массой риторических вопросов, будто разговаривая с собой. Легкая и порой даже неуместная игривость не давала детям оторвать от нее внимание и взгляды:

– Могли ли знать наши предки, насколько сильно они ошибались? Предполагали ли они, каким эффективным и гармоничным может быть общество? Мои милые дети, – она широко улыбнулась, прищурив глаза. – Они могли! – сделала легкую паузу. – Они знали! Но говорить правду было не принято. Ах да, говорить правду было не принято. Они считали, что сладкая ложь лучше горькой правды. Но они не знали вот что, – она резко произнесла свое «что» и замерла, оглядывая увлеченные и ждущие ответа лица. – Они не знали, что, признав горькую правду и найдя слабые стороны, мы можем сделать себя лучше. Мы можем искоренить слабости, и даже больше... мы можем обратить некоторые недостатки в преимущества. И приняв это и улучшив себя, мы смогли оказаться в лучшем мире. И самое главное – нам больше не нужно лгать. Лгать окружающим, но, прежде всего, лгать себе. Не повторяйте ошибок наших недалеких предков, не уподобляйтесь недоразвитым племенам Христианского Запада. Вам дано бесценное знание, вам даны неоспоримые истины. Ценности и правила, о которых люди прошлого могли лишь мечтать и шептаться. Вам дано будущее. Светлое и прогрессивное. Я передаю вам его. Из рук в руки. От поколения к поколению. Вы, мои дети, – наше наследие. Несите же с гордостью это знание. Уважайте и чтите неоспоримые истины. Наука! Азия! Атеизм! Помните эти слова, живите в лучшем мире и бережно храните его для грядущих поколений.

Выбегая из здания школы, она спешила с привычным ощущением скорого опоздания куда-либо. Причем уже давно было не важно, опаздывала ли она на самом деле и нужно ли ей вообще куда-то. Это чувство поселилось однажды от частых опозданий и твердо укоренилось внутри, периодически давая о себе знать при движении от пункта к пункту в списке ежедневных дел. Пролетая вдоль уличных кафе и веранд бутиков, она случайно заметила знакомые

лица людей за стеклом ресторана через дорогу. Она резко остановилась. «Артур, ах, Артур», – она сказала про себя и тут же засмеялась, введя в недоумение проходящего мимо старика. Легкое чувство неопределенности стало мешать стоять на месте, и она сделала несколько маленьких шагов вперед, раздумывая об уместности зайти в ресторан и подсесть к ним.

«Я просто поздороваюсь. В этом ведь ничего нет. И даже наоборот – вежливо», – ясно пронеслось в голове, и чувство неопределенности исчезло так же быстро, как и появилось. Она проскользнула между стоящими в пробке машинами и резко разрушила формальную атмосферу заведения своим ярким видом.

– Доброе утро, Артур! – начала она еще издали, широко улыбаясь и приветствуя его маленькой кистью утонченной руки.

– Здравствуй, Микки, позавтракай с нами, – сказал он ровным голосом, контрастным к ее действиям, но невероятно с ними сочетающимся.

Дэниел потянулся за стоящим в стороне стулом и резким движением притянул его к столу. «Присаживайся», – сказал он, слегка улыбаясь и подав брови вверх. Дождавшись, когда незнакомка сядет, он протянул руку и, еле заметно кивнув, четко произнес: «Дэниел».

– Микки Юи, – произнесла девушка, едва коснувшись его руки, – беру у Артура уроки истории, физики и житейской мудрости.

Артур засмеялся: «Мудрости, ...у кого бы мне взять пару уроков».

Официант прервал беседу, и пока Микки была увлечена выбором завтрака, Артур и Дэниел продолжили дискуссию.

– Мне тяжело признать, что нам нужны реформы, я много лет убеждал себя и людей вокруг в острой необходимости консерватизма, порой жесткого и неоспоримого. Истины нашего общества верны, я знаю это и никогда в этом не сомневался. Я боюсь, что либеральные идеи, как опухоль, начнут бесконтрольно разрастаться, и мы все не успеем понять, когда умеренные реформы перешли к разложению общества и оскорблению идейных отцов нашего государства.

И я чувствую, что сам заразился этой лихорадкой. Болезнью перемен. Недугом страсти к новому. Я боюсь, что наши предки проходили через это, и в борьбе природного и интеллектуального начал они всегда отдавали предпочтение природному. Человек – очень сложное и неоднозначное существо. Влияние природы на него гораздо сильнее, чем мы думаем. И эта природа на подсознательном уровне заставляет нас совершать поступки в угоду своим интересам, маскируя их под потребности интеллекта.

– Что ты имеешь в виду? – Артур вдумчиво пытался понять собеседника.

– Я говорю о хитрости человеческой природы. Например: у тебя есть подруга, которая ничем тебе не интересна, но крайне симпатична. И ты думаешь: «Ну мы ведь можем просто общаться, в этом ничего нет». Но правда в том, что не будь она привлекательной – ты бы не стал тратить на нее свое время, и реальная подсознательная причина – пусть и крошечная вероятность потенциальной связи с ней – секс – продолжение рода. И твоя природа будет маскировать твои подсознательные желания, используя социальные нормы и вещи, принятые в обществе как правильные, под нужды природного начала.

Я боюсь, что мы ведомы нашей природой. И люди, сделавшие эту страну такой, понимали это и пресекали проявления природного начала. Определив истины, что исходят лишь из высоких интеллектуальных потребностей, они сформировали идеальный путь развития общества, рассматривая человека не как животное, а как существо высшего порядка, как существо разумное и рациональное.

Артур вглядывался в медленные электро утренних пробок и словно перестал слушать Дэниела.

– Я со всем согласен, – сказал он, не отрываясь от короткометражки за окном, – но для меня это не вопрос истин и отказа от них. Не вопрос противостояния природного и интеллек-

туального начал. Да и кто сказал, что их нужно противопоставлять абсолютно, не представлять одного без другого и ограничивать любые признаки нашей природы? Быть бездумным фанатиком общей идеи, к формированию которой ты не имеешь никакого отношения? Я хочу сказать, – он оторвался от окна и посмотрел на Микки, – это вопрос крайностей и объективной оценки. Вопрос гармонии и разумного сочетания природы и интеллекта в человеке.

Дэниел прервал, не дослушав:

– В такие моменты мне кажется, что ты родился в храме, – он усмехнулся, допивая последний глоток чая.

Микки поддержала нового знакомого:

– Артур порой слишком далеко уходит в своих размышлениях. Переходя все границы принятых норм. Этот бунтовской характер. Ах, я бы так не смогла. Я винтик этой прекрасной системы и так горжусь им быть. И все когда-нибудь поймут, как хорошо быть частью целого и частью чего-то великого, как наше общество.

Артур и Дэниел живо улыбнулись друг другу, явно думая об одном и том же.

– Я вынужден покинуть вас, – Дэниел положил деньги на стол, – было приятно познакомиться с тобой, Микки, я надеюсь на скорую встречу снова.

Он резко встал и надел висевшее на спинке стула пальто. Громкие стуки каблучков ботинок о плитку пола затихли лишь у двери заведения. Он приоткрыл ее и повернулся к друзьям.

– Артур, – сказал он громко через весь зал, – знаешь, некоторые идеи стоят того, чтобы стать их фанатичным последователем.

Взгляд Артура не изменился ни на йоту, а Микки воодушевленно встрепенулась:

– Ах, я бы и не смогла сказать лучше.

***

Улицы Лондона накрывал мрак и туман. После полуночи город казался вымершим. Везде царил тишина. Свет в окнах еще жил ближайший час и после тоже пропал с лица столицы. Редкий патруль нарушал тишину скрипящей формой. Несколько машин проезжали по центральным улицам, перевозя особо важных чиновников. К середине ночи, когда свет полностью уходил с улиц, на дорогах появлялись тени. Каждую ночь с двух до четырех часов они тихо пробирались во дворы и останавливались там. Служащие в черных мундирах быстро заходили в дома и так же быстро возвращались обратно в свои черные фургоны. Люди, которых они забирали с собой, не создавали лишнего шума, но иногда жены или дети кричали, разрывая безразличную тишину ночи. Их слышали другие во дворах. Эти крики будили спящих. Но никто и никогда не стал бы подходить к окну. Тени снова возвращались на широкие проспекты и затем исчезали за высокими стенами правительственных учреждений. И когда солнце возвращалось в столицу, улицы были снова пустыми, а город прежним, став лишь чуть более чистым и праведным без тех, кто разгневал высшие силы или их местных жрецов.

Глава 4. Новая Азия

*И познаете истину, и истина сведет вас с ума.
Олдос Хаксли*

Восходящее солнце освещало непрерывное движение Токио. Артур вышел из квартиры и, скользя по улицам привычным быстрым шагом, стремился к оплоту современной научной мысли – институту здравомыслия, центру прогресса, месту, в котором творили будущее. Токийский Научно-Атеистический университет расположился в районе Бункё и включал множество корпусов и зданий.

Путь до университета занимал не больше 20 минут общественным транспортом, но иногда Артур любил потратить час на пешую прогулку. Через бегущий город, тысячи лиц и чуть слышные маршруты электро. Он не просто смотрел, он восхищался происходящим: всей грацией порядка и эффективности общества. Чистые улицы звали по ним прогуляться, лучший мир требовал сделать его еще лучше. Артур знал, что не опаздывает, но ему хотелось быстрее ворваться в стены университета и при этом не упустить ни единой детали по маршруту к цитадели науки.

– Какой прекрасный день, – он произнес это вслух. И в тот же момент попытался найти объяснение такой радости. Определенно, должна быть причина. Он задумался, перелистал все грядущие события внутри и подумал о том, что наверняка что-то забыл. Он вспоминал до тех пор, пока не увидел главное здание университета. В очередной раз поймал себя на мысли, что совсем не заметил происходящего на последней части маршрута. Он каждый раз уходил в себя, думая о чем-то, и упускал из вида остатки пути. Огромный символический атом возвышался над дверьми главного входа, и Артур, проходя под ним, как всегда, думал о величии науки и университета.

Дэниел встретил его в дверях, типично стремительно двигаясь вперед, сам себе на уме, прическа – набок, рубашка – сверху пуговиц будто и нет, спешно отряхнул джинсы, поднял голову и едва не сбил Артура с ног. Артур – полшага назад и обнял друга.

– Привет. Ты рано сегодня закончил, – он улыбнулся, смотря на Дэниела, который был заметно чем-то увлечен.

– Здравствуй, Артур, я как раз думал о тебе. Эти выборы не дают мне покоя.

– Выборы, точно, выборы. А я все утро думал, что же сегодня важного.

– Артур, нам нужны два кофе и одна беседа, твои студентки подождут, – он улыбнулся, что-то представляя. – Ах, студентки. Тебе бы посетить мою лекцию. Твоя история скучна. Ползала – гуманитарии, кому они вообще нужны. Ищут в страницах факты столетней давности, обсуждают поступки умерших людей. А у меня – умнейшие создания, стремятся изо всех сил познать природу человеческих мотивов. И не только изучить, а разобрать в себе. Открыть новые грани самопознания и чувственности и после поделиться откровениями с миром. Девушки, изучающие психологию, просто невероятны в своих играх. Так и не определишь – серьезно ли она или в очередной раз проверяет новую гипотезу. И лишь наутро понимаешь – серьезно.

– Я понял тебя, Дэниел, но меня вполне устраивают и мои студенты, причем обоих полов. Тут главное – преподавание. Советую тебе думать об этом чаще.

– У нас есть минимум пятнадцать с половиной минут, – сказал Дэниел, положив руку на плечо Артура, – кофе.

Вся спешка и стремительность исчезли. Дэниел, как самый спокойный человек на континенте, начал размеренно шагать, рассматривая все вокруг.

– Представляешь, Артур, как бы мы жили, если бы не глобальная научная реформа, представляешь, как бы мы вели себя, к чему бы стремились? Как можно жить, основываясь на ощущениях, которые сформированы инстинктами, как можно верить во что-то просто так, любить без объяснения, как можно отдавать власть правительству, которое формируется само собой, хаотично, через дружбы и знакомства, без программы подготовки правительственных управленцев, без ежемесячных отчетов эффективности работы правительства, в конце концов?

– Когда-то люди жили в пещерах, – Артур протянул экран для оплаты, – не стоит удивляться, это естественный ход истории.

– Ах да, истории, – Дэниел попросил один кофе и повернулся к Артуру. – Давай лучше о настоящем. Мне кажется, что у либералов нет никаких шансов, и все эти разговоры только для того, чтобы подогреть интерес к выборам.

– Я бы не был так уверен. Мне то же самое, – он достал экран и посмотрел на довольно энергичного старика, что готовил кофе. – Я полагаю, что консерваторы в целом хорошо справляются со своей работой и делают все эффективно, но они топчутся на месте и просто продолжают поддерживать то, что было сделано до них. Лично я хотел бы увидеть улучшения. У нас определенно есть сферы, которые можно сделать еще эффективнее и организованнее. Да и рейтинги либералов растут весь последний год.

Они направились к университету. Громадное здание растянулось на несколько сотен метров. Его стены украшали портреты известных выпускников, выбитые из камня. Вся крыша была застелена панелями, собирающими солнечную энергию. Они полностью покрывали нужды вуза в электроэнергии. Перед зданием располагалась аллея, цветочные клумбы и скамейки. Территория университета не была огорожена, и поэтому здесь зачастую можно было встретить много отдыхающих.

Они шли среди деревьев, выходя на асфальтовую дорогу, ведущую к главному входу. Дэниел посмотрел на атом и перебил Артура, рассуждающего о последних неудачах консерваторов.

– Артур, подожди, неужели ты собираешься голосовать за либералов? – они остановились. – А как же твой отец?

– Мы уже обсудили это с ним, – Артур сделал несколько шагов вперед. – Отец уважает мой выбор. Да и к тому же, даже в случае победы либералов он все равно останется в парламенте, процент консерваторов в правительстве уменьшится, но они найдут кого убрать.

– А я думаю, что их идеи слишком радикальны, а лидеры слишком мягкие или, как они говорят, «гибкие». В некоторых вопросах «гибкости» быть не должно. Наши идеалы – неоспоримы, наши ценности – абсолютны. Мы нашли и обозначили истины, которые они хотят переписать. Наука, Атеизм, Объединенная Азия. Мы на этих столпах новый мир построили. И нужно его защищать.

– Я согласен с тобой, Дэниел, но тебя слишком сильно промыли. И с каких пор тебя вообще так интересует политика? Сейчас ты зайдешь в аудиторию, и пара симпатичных студентов будет волновать тебя сильнее, чем все либералы вместе взятые.

– Ты слишком хорошо меня знаешь, Артур, – он улыбнулся и дотронулся до его плеча. – Хорошего дня.

Они разошлись у лестницы. Артур спешил на факультативный курс истории, который он вел для студентов первого года обучения. Дэниел же преподавал факультатив по психологии для выпускного курса бакалавров.

У каждого преподавателя был основной предмет и одна или несколько дополнительных дисциплин. Это был их первый год преподавания. Молодые ученые, доктора в области физики и преподающие ее теперь как свое основное направление, также взяли по одному дополнительному курсу по своим интересам. Дэниел еще с первого курса был увлечен психологией и создавал различные инструменты для анализа человеческих состояний и мотивов, изучая

прежде всего себя и своих близких. Артур же всегда тяготел к истории. Воспитанный в семье видного политика, он с детства был осведомлен об отношениях ведущих стран друг с другом и исторических причинах, эти отношения создавших.

Грядущие выборы должны были определить вектор развития государства на ближайшие годы. Либеральные силы стремились ослабить атеистическую пропаганду и смягчить отношения с Христианским миром, а консерваторы выступали за сохранение текущего курса полной изоляции и тотального научно-атеистического фокуса. Голосование проходило в единой Азиатской интернет-сети, на государственном портале, в котором зарегистрированы все граждане страны. С 15 лет они регистрировались и получали персональную страницу, которая служила аналогом устаревших паспортов. Перечень остальных необходимых документов, справок, дипломов также хранился в личном кабинете. Все электронные документы могли иметь резервные копии на любых электронных устройствах пользователей. На этом же портале и проходило голосование. Сканирование отпечатков пальцев устройствами пользователей не позволяло голосовать за других людей, а фронтальные камеры показывали, что голосующий делает это по собственному желанию. Любые противоправные действия пресекались моментально, так как все устройства были оснащены геолокацией.

Таким образом, доля голосующих людей поднялась выше 90 процентов и не включила людей, которые принципиально отказываются от участия в выборах. Само же действие занимало не более минуты, но для большинства являлось важным событием. И сегодня, с десяти часов утра и до восьми часов вечера, все граждане старше 18 лет могли отдать свой голос за ту или иную партию.

Артур очень трепетно относился к этому событию, оно вызывало у него чувство участия в управлении государством, чувство личного вклада в развитие страны. Он твердо решил, что будет голосовать за либералов, несмотря на то что все годы до этого был сторонником консерваторов. Он считал, что большая часть его жизни протекала бессознательно, и, впервые попытавшись сформировать свое беспристрастное собственное мнение, он не согласился со всем, что прививали ему с детства.

Он вошел в аудиторию, где студенты живо обсуждали грядущие выборы. Все затихли и посмотрели на Артура.

– Всем доброе утро, – он сел за стол внизу амфитеатра. – Как ваше настроение? Все определились с выбором?

– Если не секрет, за кого вы будете голосовать? – донеслось со среднего ряда.

– Не секрет, за либералов. Удивительно, ведь все предыдущие выборы я поддерживал консерваторов. Но сейчас мне кажется, что они выдыхаются, мало работают, не ищут улучшений. Я уверен, что нет границ для оптимизации и развития, а они просто готовы жить в существующих условиях всю оставшуюся жизнь. В общем, как бы странно ни звучало, мне не близок излишний консерватизм консерваторов, – по аудитории прокатились смешки. – Но вернемся к лекции. Так как у нас важный день, я решил забыть о сегодняшней теме, потому что она уходит слишком далеко в историю, и поговорить о том, как образовалось наше новое государство. Какие события способствовали образованию современного устройства мира и на каких ценностях мы смогли создать наше великое общество.

Очень важно понимать, чего нам стоило изменить существовавший порядок и какие смелые решения пришлось принять для того, чтобы привести нашу страну к светлому настоящему. Мы должны уважать это, но, прежде всего, мы должны помнить и понимать это.

Конечно, мне бы хотелось сказать, что весь Христианский мир поступал и поступает неверно и что наши решения и наша идеология абсолютно и по всем параметрам превосходящие, но я постараюсь рассказывать беспристрастно. И начну я с так называемых великих трагедий.

Все началось более ста лет назад. Самолет, полный туристов, вылетевший из Токио в Париж, упал на территории Китая, не пролетев и двух тысяч километров. Как выяснилось позднее, он упал в результате взрыва, который произвела исламская террористка-смертница. По итогам следствия было выявлено, что попасть на самолет ей помог брат, который работал в аэропорту в зоне досмотра пассажиров. Взрывное устройство было пронесено на борт самолета днем 13 сентября 2032 года. Ее брат также планировал теракт уже на земле, но был задержан за несколько часов до потенциального взрыва.

Разумеется, проблемы японского правительства с Исламским миром начались еще за несколько лет до этого. Радикальные мусульманские группировки устраивали демонстративные казни представителей разных государств и вероисповеданий, но некоторые нации и религии они ненавидели больше других. К объектам особой ненависти относились и японцы. Так, еще в 2025 году после того, как в Токио отказались отпустить или обменять захваченных террористов, были жестоко казнены японский пилот и журналист. Агрессивные выпады в сторону Японии продолжались несколько лет. Однако после упомянутого теракта все начало меняться...

На фоне возрастающего недовольства в обществе правительство Японии созвало экстренную группу для решения вопросов безопасности населения. Сначала было решено ввести запрет на получение должностей в местах с большим скоплением людей и крупным пассажиропотоком для всех выходцев из Исламских стран и регионов мира, а также людей, чьи предки были мигрантами из указанных мест.

Прежде всего под запрет попали аэропорты, вокзалы, метрополитен и крупные автобусные компании. Также была усилена охрана и контроль во всех перечисленных организациях вплоть до постановки полицейских на крупных автобусных остановках. Все подозрительные лица тщательно досматривались, и, разумеется, в первую очередь обращали внимание на людей с традиционными элементами исламской одежды. Выпущенные законы начали трактоваться на местах гораздо шире, чем это было прописано изначально, и в итоге все мусульманское население подверглось жесткой дискриминации, как при приеме на работу практически в любые компании, так и в повседневной жизни.

Большинство западных стран, ранее выразивших соболезнования по поводу произошедшего теракта, строго осудили действия японского правительства, указывая на то, что дискриминация по религиозному признаку – неприемлемое решение.

Однако после того, как активные действия органов привели к нескольким задержаниям и был предотвращен еще один готовящийся теракт, правительство Японии, несмотря на критику Запада, только ужесточило правила, внося еще несколько законопроектов, которые были направлены на дискриминацию мусульман. На тот момент количество мусульман в Японии составляло не более процента. И, учитывая массовое освещение событий по захвату террористов и предотвращению готовящихся взрывов, абсолютное большинство населения активно поддерживало действия правительства.

Представители радикальных исламских группировок грозили отомстить японскому правительству и всему японскому народу, и спустя несколько месяцев после принятия новых, еще более жестких законов в Японии произошли два теракта. На праздновании традиционного фестиваля «Гион» прогремел взрыв в Токио, и буквально через неделю, во время празднования фестиваля «Гэндзин», несмотря на усиленную охрану, прогремел второй взрыв в Осаке – третьем по населению городе Японии.

После этих событий в Японии практически началась травля всех мусульман. Среди населения распространялась массовая паника, и правительство решило пойти на самые крайние меры. Все выходцы из мусульманских регионов, находящиеся в Японии как туристы, преждевременно отправлялись обратно. Мусульмане, живущие в Японии, либо улетали сами, либо решались покинуть страну под давлением властей. Толпа студентов, организовавшая мирное

шествие по Токио, вышла из-под контроля и разгромила токийскую мечеть и турецкий культурный центр, располагавшиеся в районе Сибуя.

Реакция Запада по-прежнему была негативной. Помимо этого, свои недовольства высказывали различные религиозные организации всего мира. Японская христианская община, которая на тот момент представляла менее трех процентов населения страны, также заявила о недопустимости давления на людей по религиозному признаку. Христиане совместно с другими религиозными меньшинствами Японии провели демонстрации, которые привели к нескольким стычкам верующих с толпами студентов, поддерживающих правительство, и к массовым погромам. После этого в Токио был установлен режим чрезвычайного положения, и в город было введено несколько подразделений сил самообороны Японии.

Правительство вынесло запрет на создание любых религиозных объединений. Все религиозные организации, существующие на территории страны, были признаны экстремистскими и также запрещены. Представители полиции и сил самообороны взяли под свой контроль все здания и помещения официальных религиозных организаций. Представители различных конфессий начали массово покидать Японию. Самые распространенные религии Японии – синтоизм и буддизм, представители которых составляли более 90 процентов населения страны, – на государственном уровне были признаны нерелигиозными и стали именоваться философскими течениями. А сами учения были подвергнуты правкам с целью приведения их к более светскому виду.

Несмотря на официальную оценку последователей синтоизма и буддизма в более 90 процентов, которая основывается на ассоциации японцев с тем или иным храмом, в действительности к верующим себя причисляли менее трети жителей страны. Вследствие этого подобные изменения не вызвали широкого недовольства населения, особенно учитывая то, что взрослое население было запугано терактами, а молодое поколение в короткий срок стало крайне агрессивно настроено по отношению к активно верующим представителям разных религий.

Спустя полгода, когда все недовольства утихли и усилиями полиции все религиозные организации прекратили свою деятельность, начали поступать новые угрозы в сторону Японии со стороны радикальных исламских группировок. На тот момент несколько подобных организаций, расположенных в Сирии и Ираке, начали объединяться, и количество их членов, по различным данным, варьировалось от полумиллиона до миллиона человек. Второго марта 2033-го японской разведке стало известно, что представители исламских группировок начали активные наступления в Сирии и Ираке. Их целью были все возможные результаты ядерной программы Ирака, которая проходила еще в конце XX века, а также ядерной программы Сирии начала 2000-х.

Мировое сообщество не стало признавать потенциальную опасность, так как считалось, что результаты этих программ не увенчались успехом. Вооруженные силы Израиля и Иордании послали регулярные войска в Сирию, но в определенный момент резко отозвали все подразделения. По данным японской разведки, в распоряжении исламистов были элементы ядерного оружия, которые использовались для создания ракет. Угрозы, которые начали поступать от радикалов в сторону Японии как одного из главных врагов Ислама, не остались без ответа. Не дожидаясь, пока элементы ядерного оружия станут работоспособным вооружением, правительство Японии за два часа оповестило западные страны о ядерном ударе по предполагаемым местам расположения радикалов в Сирии и Ираке. Это сообщение привело лидеров разных стран в замешательство, так как Япония никогда не входила в ядерный клуб и не обладала ядерным оружием. Однако разработки ядерного оружия в Японии начались сразу после капитуляции во Второй мировой войне после ядерных ударов по Хиросиме и Нагасаки. Бурное развитие мирного атома и атомных электростанций давало возможность работать с необходимыми компонентами для скрытых разработок оружия.

В назначенное время ракеты, пролетев над Китаем, Бангладеш, Индией и Персидским заливом, нанесли удар по части Ирака и Сирии.

Власти Индии позднее сослались на отсутствие полноценной системы противоракетной обороны, вследствие чего они якобы не могли повлиять на произошедшее. Правительство же Китая открыто заявило о том, что было осведомлено задолго до ядерного удара и приняло решение не вмешиваться. Вся территория, на которой потенциально могли находиться радикалы, была уничтожена.

На экстренных заседаниях ООН и НАТО действия Японии были резко осуждены. Евро-союз, США, страны Северо- и Южно-Американского континентов вместе с Россией объявили Японии экономическую блокаду. Религиозные объединения различных стран начали проводить акции в поддержку представителей всех религий. Невиданная ранее активность верующих привела к невероятной вовлеченности населения в религиозную деятельность и обычаи. В течение года религия в западных странах стала невероятным трендом. Политические деятели в погоне за рейтингами начинали все больше инициатив, связанных с религией и поддерживающих ее. Христианские общины западных стран выступали за духовность, мир, стремление человека к очищению и смирению. Христианство стало культом нового поколения молодежи. Вкупе с политиками, выстраивающими дальнейшее развитие государств на базе высокой религиозности, грядущие поколения обещали быть самыми религиозными на протяжении последних столетий.

Азиатские страны, продолжающие отношения с Японией, также стали подпадать под санкции западных стран. Изолированная Азия начала переговоры по введению железного занавеса. Китай начал требовать возврат госдолга США и получил его часть. Возможность азиатского занавеса встревожила западные страны, владевшие производственными предприятиями в Китае. Однако это решение было согласовано. Просьба Японии о занавесе и уверенная поддержка Китая убедили ряд других азиатских стран.

Через несколько месяцев начались первые отключения азиатских стран от мировой сети Интернет, прекратился оборот западных валют, и Азия начала отделяться от остального мира. Было объявлено о возможной миграции в Азию и, в частности, в Японию по родственным или идеологическим причинам. Обозначенный срок в один год позволил десяткам тысяч людей мигрировать из западных стран в Азию. Поток мигрантов жестко контролировался, и все желающие досконально проверялись. Лишь малая часть смогла получить разрешение, остальные получали отказ.

Спустя еще полгода границы ряда азиатских стран были закрыты. Иностранные предприятия были национализированы и позднее распроданы частным лицам. Китай объявил о национализации американских предприятий в счет непоплаченной части госдолга США.

Этот шаг отразился на экономике Соединенных Штатов, которые погрузились в затяжную рецессию. Мировым экономическим центром западных стран стала Англия, и, как и прежде, крупнейшим финансовым центром – Лондон. Новообразованная Лондонская Христианская академия в короткий срок стала самым популярным высшим учебным заведением не только в Англии, но и во всей Европе. Это подхватили все христианские страны. Облик Запада изменился окончательно.

Азиатские страны с коммунистическими режимами приняли общую доктрину светского развития и распространения тотального атеизма. Основной ценностью было принято стремление к научному и технологическому прогрессу и обоснованному подходу ко всем сторонам жизни.

Распространение христианских трендов было негативно воспринято в Австралии, многие представители парламента которой открыто признавали свою атеистическую позицию. Австралия не желала идти ни по одному из указанных путей и предпочла сохранить прежние

ценности. Атеистический фокус Азии в Австралии назвали крайностью, а невиданную религиозность на Западе – мракобесием.

Вследствие повышенного количества прибывающих пропагандистов новых западных течений подобная агитация Вовлеченного Христианства была запрещена. Туристический поток в Австралию был ограничен, и получить новые визы можно было лишь по очень веским причинам. Экономические взаимоотношения с западными странами продолжились, а культурный обмен и ценностно-нравственная глобализация западных ориентиров была прекращена и строго контролировалась правительствами Австралии и Новой Зеландии с целью сохранить прежние устои.

Железный занавес был возведен, мир разделился на несколько частей: сторону вовлеченной религиозности, сторону убежденного атеизма и остров умеренных ценностей XXI века.

Аргур продолжал:

– То государство, что мы видим сейчас, то общество, которым мы гордимся, были построены благодаря совершенно новому вектору развития, который мы когда-то приняли истинным. Годы практики и впечатляющих результатов показали, что мы сделали верный выбор. Спустя почти 100 лет мы видим, что построили новую, совершенную систему взаимодействия человека с государством. Но прежде всего, мы создали общество с принципиально новым образом мышления. Конечно, подобная идеология и раньше встречалась в узких кругах, но мы сделали ее массовой. Наши идейные столпы совершенны. Наши ценности – неоспоримы. Объединенная Азия. Наука. Атеизм. Наше невероятное стремление к абсолютной рациональности, к детальному обоснованию всех наших мотивов, начиная от глобальных действий на уровне государства, заканчивая поступком рядового гражданина нашей страны.

Любое мнение, точка зрения, мировоззренческая установка должны иметь четкое логическое обоснование. Эта мысль смело пронеслась по всей Азии и избавила нас, наконец, от средневекового обскурантизма. Освободила умы от тени невежества. Дало нам возможность исключить сотни тысяч действий и поступков, которые мы совершали по воле, как бы они сказали, чувств, а на самом деле гормонов, которые достались нам от наших предков как вредный в современном мире рудимент. В нашем мире нет объяснений «я просто хочу» и «я чувствую, что так лучше». В нашем мире есть только «я делаю это, потому что...» и «это истинно, так как...».

Да здравствует математика, физика, логика и невероятное человеческое мышление, интеллект, которым мы только начинаем пользоваться так, как должны. Сегодня крайне важный день. Сегодня мы вместе с вами должны решить дальнейшую судьбу нашего великого общества. Сделайте правильный выбор, осмысленный и рациональный. И мы вместе шагнем в новое будущее уверенно.

Речь Артура закончилась, и несколько секунд в аудитории стояла тишина, после которой студенты оживленно захлопали, поддерживая молодого профессора.

***

София встала рано. Улицы были спокойными и чистыми. Читая любимую писательницу и смотря, как просыпается город за окном, она закончила завтракать и стала собираться на утреннюю молитву. Она спустилась по ступенькам и направилась в церковь за углом от ее дома.

В тридцати метрах от входа девочка десяти лет истерично рыдала над разбитой карманной иконой, что состояла из маленькой деревянной рамки, куска картона с изображением и стекла, защищавшего картон. Стекло разлетелось по асфальту, а изображение запачкалось грязной водой.

София подошла к девочке:

– Не плачь, мы найдем тебе новую.

Девочка подняла голову:

– Но Бог разгневается за мой проступок.

– Нет же. Бог любит тебя, он милостив и готов прощать.

Девочка подняла осколки, неосторожно сгребла рукой, порезавшись, но не показав виду:

– Не нужно ждать прощения, нужно нести наказание.

София коснулась ее рукой:

– Бог милостив...

– Наказание! – выкрикнула девочка, бросив дерево и стекло в Софию, испачкав кофту грязью и несколькими каплями крови.

Не переставая рыдать, она бросилась бежать, исчезнув за поворотом, а София еще несколько секунд смотрела на пятна.

Утренние библейские чтения помогли разбавить мрачные мысли светлыми оттенками, но неприятный осадок так и не покинул Софию до конца дня.

Глава 5. Выбор прошлого и настоящего

Вещь не перестает быть истинной от того, что она не признается многими.

Бenedикт Спиноза

Из шести партий, участвующих в выборах, четыре были обыкновенной массовой. После возведения железного занавеса на протяжении десятилетий консерваторы единолично были легитимными лидерами новых стран и широко признаваемых идей. Лишь в последние годы в нескольких государствах Объединенной Азии стала появляться выраженная оппозиция в виде либеральных партий со сравнительно молодым составом, которая резко приобретала сторонников из подрастающего поколения. Либералы подкупали своей энергией и стремлением к позитивным изменениям, и огонь в их глазах дарил большую надежду на завтра. И это завтра казалось не просто светлым. Они заставляли поверить, что будущее должно быть и будет грандиозным, сохранившим старые истины, но разукрашенным смелыми яркими красками новых успехов.

На этих выборах в Японии две главные политические силы представляли невероятно харизматичные личности. Одна из них – достаточно молодой и наделавший много шума в прессе и городских легендах Джеро Ли. Его история была невероятно запутанной и местами загадочной, но за все время, проведенное в политике, он не давал ни одного повода усомниться в верности своим взглядам. Он был десятым сыном известного японского политика Таро Ли, старейшего консерватора, мрачного и непоколебимого, одного из идейных вдохновителей консерватизма, ярого сторонника стабильности и фанатичного атеиста. На момент выборов Таро входил в состав правительства, но уже был достаточно стар. Политическую позицию Таро можно было охарактеризовать как одну из самых ультраконсервативных во всем японском правительстве. Его невероятная плодовитость – результат его взглядов. Он искренне верил в позитивную евгенику¹ и считал, что нужно стимулировать размножение умных людей и не допускать чрезмерного размножения людей с низким уровнем интеллекта. Руководствуясь этими взглядами, он сам стал отцом десятерых детей, все из которых были сыновьями. В далекой азиатской глубинке, где еще местами сохранялись традиции западного мракобесия, ходили слухи о Таро как о личности, обладающей нечеловеческими способностями. В большинстве же мест, а также в столице, поговаривали, что в этом деле не обошлось без вмешательства высококвалифицированных врачей, которые искусственно оплодотворяли жену Таро необходимыми сперматозоидами с Y-хромосомой для рождения мальчика. Политик хотел много наследников, которые будут продолжать его дело, и считал, что чем больше их будет, тем устойчивее будет политическая атмосфера новой Азии. Несколько сыновей предпочли стать учеными, один ушел в медицину, а двое уже представляли взгляды консерваторов в правительстве. Последние были предметом особой гордости Таро несмотря на то, что остальные также были представителями государственных структур в Министерстве здравоохранения и Академии наук. Однако во время учебы его десятого сына Джеро в Токийском Атеистическом план Таро дал сбой, и семья Ли столкнулась с ситуацией, совсем не входящей в ее планы.

Джеро Ли, несколько лет скрывающий свои истинные взгляды, заканчивая учебу на бакалаврской программе по экономике, буквально перед выпуском из Токийского университета открыто заявил о своей либеральной позиции. Как выяснилось позднее, на тот момент он уже год тайно посещал различные молодежные мероприятия либералов и собирал свою команду. На фоне широкой информационной поддержки данного инцидента старый Таро со стыдом

---

¹ Учение о селекции применительно к человеку, а также о путях улучшения его наследственных свойств.

ушел из правительства. Говорили, что лидер консерваторов стал много болеть, и это могло послужить одной из причин ухода, но основную вину все же возлагали на молодого Джеро.

Однако через год, отпраздновав 70-летие, Таро Ли вернулся в правительство, попутно проклиная своего сына и заявляя, что намерен исправить сделанные им ошибки и не допустить либералов к власти. Джеро к тому времени совсем перестал общаться с семьей. Его мечтой было изменить консервативный строй новой Азии, сделать государство более гибким, освободиться от тотальной пропаганды и попутно очистить правительство от старых чиновников, которые, по его мнению, никак не улучшали страну, а просто получали жалование и поддерживали существующий уклад. Хотя, по логике вещей, чем еще могли заниматься консерваторы?

Джеро учился на магистерской программе по политологии в Национальном Атеистическом университете Сеула в Южной Корее. После окончания бакалавриата Токийского университета отец Джеро приложил все усилия, чтобы тот не смог продолжить обучение в магистратуре в главном вузе страны. Не пробуя поступать в Токио, Джеро решил получить степень магистра в столице соседнего государства. В дополнение, Сеул на тот момент был неким оплотом либерального движения. Южная Корея всегда быстро развивала новые тренды и была более гибкой, чем неповоротливый Китай и консервативная Япония. За два года учебы в Сеуле Джеро подготовил полноценную программу дальнейшего развития Японии и вскоре вернулся в Токио. Там он примкнул к ожидавшей его команде и в течение года стал главой либерального молодежного движения Японии и советником председателя либеральной партии. За год до судьбоносных выборов председатель либеральной партии решил дать дорогу, как он выразился, «молодому племени» и передал управление партией на тот момент 28-летнему Джеро Ли, который только получил докторскую степень в области государственного и муниципального управления. Сам председатель создал и возглавил консультационный совет, в который впоследствии вошло все старшее поколение либералов. Этот орган занимался наставничеством новых членов высших кругов либеральной партии и консультациями с новыми партийными лидерами.

После нового назначения Джеро Ли его отец отказался от публичных комментариев, однако ходили слухи, что он был вне себя от ярости и грозился уничтожить все наследие своего сына.

***

Вечерняя тень тихо опускалась на город, но жизнь по-прежнему была через край бетонных ограждений. Дэниел решил прогуляться после занятий, поразмыслить обо всех успехах государства, в очередной раз сформулировать свое непоколебимое мнение и отдать голос консерваторам.

Он прошел вдоль парка и направился к реке. Справа расположился госпиталь. Дэниел пробежался взглядом по окнам здания и вспомнил обо всех изменениях в медицине и фармацевтике за последние десятилетия. Запрещение ряда препаратов, таких как гомеопатия и другие, не имевших достаточной обосновательной базы, ужесточение законодательства и введение особых правил для всех дженериков², что привело к значительному снижению цен на лекарства, реформирование структуры управления и публичные отчеты по работе министерства здравоохранения. Он думал о нынешнем устройстве системы как о необходимой данности, как об обыкновенной норме, очевидной истине. Полкилометра вперед – и он увидел здание начальной школы. Еще немного размышлений на тему реформы образования. Светская этика, упор на точные науки. Ряд идеологических курсов, направленных на формирование истин-

---

² Лекарственное средство, продающееся под международным непатентованным названием либо под патентованным названием, отличающимся от фирменного названия разработчика препарата.

ных взглядов и научного мышления. Учебники по математике и физике стали новыми Ветхим и Новым Заветом для всех школьников. Четкие мировоззренческие установки имел каждый, кто только оканчивал начальную школу. Старшие классы закрепляли успех. Однако спешить с выбором профессии никто не требовал. После школы все могли продолжить обучение в университетах и колледжах по довольно обширным программам, разделенным на техническое, экономическое, гуманитарное, научное направления и направление по искусству. И только в магистратурах и на программах докторантуры необходимо было углубляться в конкретную узкую область.

Из дверей школы вышла женщина, держа за руку мальчика. Она опустила на корточки и поправила его штаны у самых ботинок, слегка отряхнула их, подняла голову и поцеловала его в щеку. Вероятно, это была его мать. Все ее действия были наполнены такой заботой и нежностью. Дэниел невольно подумал о своей матери. Мысли о реформах и эффективности растворились в картинках из детства. Он вспомнил дом, улицу и небольшие магазинчики рядом. Детей с площадки, девушек из школьного хора, пикник с друзьями. Картинки всплывали пронеслись сквозь время, цепляясь за самые глубокие уголки памяти. Дэниел вырос в небольшом городке на юге страны, окруженный людьми без особых стремлений и грандиозных планов на жизнь. С самого детства его целью было переехать в столицу. Он мечтал о мегаполисе, научной карьере, красивой жизни и безграничных успехах, которых достигнет в будущем.

После школы он поступил на факультет физики в Токийский Научно-Атеистический, который уже тогда был самым престижным учебным заведением в Японии и одним из лучших во всей Объединенной Азии. Дэниел становился ученым со страстью. Его невероятно тянуло к знаниям, точным наукам. Атеизм, новые истины и идеология Единой Азии приводили его в восторг. Его публичной позицией всегда была яростная поддержка идейных столпов новой Азии и радикального консерватизма. Но где-то в глубине сознания таился интерес к чему-то иному. Он просыпался иногда и ловил себя на мысли, что ему снился Лондон, что видел бескрайние просторы Новой Зеландии и гулял по побережью Австралии. Все эти сны о местах, где он никогда не был. Ему казалось, что все это воспоминания его предков, ведь они бывали в этих странах. Но он не мог найти научного объяснения таким мыслям и успокаивал себя стандартными предположениями о разыгравшемся воображении. Он видел себя удивительно спокойным в этих снах и ощущал невероятную свободу. Он чувствовал, что все находится в его власти и нет границ для полета мысли и действия. Свобода, близкая к абсолютной. Мир без рамок и ограничений. Что это? Устаревшая демократия? Бездумная анархия? Однажды он проснулся с идеей, которая подчеркивала единый посыл каждого подобного сна. С идеей, что никакой человек и никакое государство не должно решать за него. Никакие внешние силы не вправе управлять его жизнью и ограничивать мысль и действие. Контраргумент возник моментально. Ведь если нет ограничений, то как же преступления, как же развитие и эффективность общества? Ограничения естественны и должны иметь место.

Но все же это не избавляло окончательно от сомнений. За завтраком он задал себе следующий вопрос: могу ли я быть уверен, что та степень ограничений, которая создана в моем государстве, создает самые оптимальные условия для развития общества? И если нет, то каким должно быть соотношение свобод и оков? Он остановился и подумал о том, почему ему в голову пришло слово «оковы», ведь все государственные ограничения никогда не создавали для него дискомфорта. Ему показалось, что это слово пришло из тех глубин сознания, где были берега Австралии. И тот Дэниел, что во снах наслаждается абсолютной свободой, посчитал бы оковами все стандартные условия жизни Дэниела реального.

Такие мысли приходили ему в голову не часто, он старался отгонять их, а в часы восторга эффективностью общества и научными успехами вообще считал подобные идеи враждебными и сбивающими его с истинного пути.

Влажный ветер ударил в лицо, и Дэниел увидел набережную Сумиды. Опустившись в мыслях с небес на землю, он подумал о том, что эти сны и подобные рассуждения все чаще и чаще имели место в его жизни. Он не любил подобные моменты. Минуты сомнений и неуверенности. В такие мгновения он задавался неудобными вопросами, которые систематически выводили его из зоны комфорта. Он ставил под сомнение несомненные идеалы и заново оценивал нерушимые ценности. Его смущал тот факт, что все взгляды, все его мировоззренческие установки были одинаковы все время, что он себя помнил. И изначально он в них просто верил, но позднее смог убедить себя сам, что аргументов для «истинного» мировоззрения достаточно. И его всегда пугала возможность того, что он ошибается. Всегда вызывала неприятные ощущения мысль о том, что весь его мир, все идеалы просто насадили ему извне. Они чужие. Выдуманые кем-то и перенесенные ему в голову умелой государственной машиной пропаганды.

Когда эти моменты проходили, то все революционные идеи, а иначе их назвать нельзя, заменялись жгучим чувством стыда. Идеальная система, давшая ему образование и показавшая истинный путь, который раскрывает не только его потенциал, но и реализует потенциал всего общества эффективнее и эффективнее с каждым годом, заслуживает лучшего отношения, а не бездумного порицания, зародившегося где-то в глубинах сознания. Он смотрел в зеркало и уничижительно спрашивал себя: может быть, ты скажешь, что «чувствуешь», будто система ошибочна? Кто дал тебе право ставить под сомнение истинность пути, подтвержденную практикой и реальными результатами? Ты недостойн этого общества, недостойн своих успехов.

После ему казалось, что никто не должен узнать о его постыдных мыслях и рассуждениях. Он старался убедить себя в том, что не должен вспоминать о подобном в будущем. Что не должен говорить подобного вслух. И, в конце концов, он успокаивался, думал о том, чего достиг, о том, что никогда не оступался на своем пути и что будущее в его руках. Покой продолжался несколько недель, и потом цикл повторялся вновь. Он ничего не мог с этим поделать, пытался решить эту, как он иногда думал, «проблему», но любые попытки завершались очередными неудобными вопросами самому себе и новым циклом стыда и восстановления.

Вода стремительно двигалась вперед и в то же время завораживала своим спокойствием. Он смотрел на нее и думал о неизменных законах природы, о незыблемом устройстве мира и беспокойной, в сравнении с этим, природой человека. Изменчивая человеческая натура провела нации и государства через века, пережив тысячи тысяч различных изменений и идеологических течений. Истин, которые они считали неоспоримыми. Неужели все они были ошибочными?

Тираны Средневековья, верившие, что были назначены богами, рабовладельцы недалекого прошлого, твердо убежденные в превосходстве белого человека, большевики, свято верившие в коммунизм и социализм как в высшие ступени развития человеческого общества, и, конечно же, рыночники со своими Атлантами и одами капитализму.

И все они ошибались? И все они были убеждены, что постигли абсолют? Верили, что их путь единственно верный? Кто мы перед ними: победители, познавшие истинную истину, или братья по несчастью, смехотворно высокомерные, не замечающие своей невежественности? И кем мы будем для грядущих поколений: учителями и отцами незыблемых абсолютов или плохими примерами для новых школьников, постигающих новые истины?

Он шел по мосту. Прохладный влажный ветер располагал к критическим рассуждениям. И Дэниел продолжал. Мысль за мыслью. Он остановился между деревьев в Сумида-парке и прервал себя на середине очередной логической цепочки. На часах было без четверти восемь. Он достал экран, увидел скамейку вблизи и спешно направился к ней. Присев на нее, растерянный и потерянный, он вслух произнес: «Почему сегодня?». Он начал корить себя за то, что в очередной раз предался сомнениям, да еще и в такой важный день.

Он отвлекся на секунду и представил себя голосующим за либералов. Улыбнулся. Такого уж точно не может случиться. Даже в час сомнения он бы не поддержал этих безумцев. И тут же подумал, что они говорят вслух то, о чем он иногда стыдится думать. И снова мысль, что все это происходит в такой неподходящий момент. Миг – открыл страницу с голосованием. Клик – поставил галочку за консерваторов. Занес палец над кнопкой «Проголосовать».

***

Двумя часами ранее Артур сидел на кухне. Из телевизора доносились советы из ежедневной программы об эффективном использовании ресурсов организма, но Артур листал новости на экране, не обращая внимания на ведущего на стене:

– Таким образом, если полностью убрать свет из помещения, закрыть окна, выключить всю электронику, надеть маску для сна, а также отключить все источники звуков, полезность и продуктивность сна вырастет минимум на пятнадцать процентов. А если предварительно проветрить помещение, то можно выжать и все двадцать!

Артур поднял голову, когда ведущий, закончив убедительную речь, широко заулыбался.

– Атом, выключи телевизор, – произнес Артур, и ведущий сменился черным полотном.

Он пошел в комнату. В первой половине она была практически пустой, а во второй захламлена ящиками с вещами, часть которых были совсем не знакомы Артуру. В его половине стояли лишь белый стол, белый стул и кровать у стены с небольшой серой тумбочкой рядом. В стороне от кровати был шкаф, деревянный по бокам и с электронной панелью на лицевой части, где мелькали цифры и графики заранее определенных Артуром отчетов.

Он арендовал квартиру вместе со своим старым другом. Его звали Густав, и он также был из семьи мигрантов. Абсолютно неформатная личность для новой Азии. Абсолютно неуместный человек для этого города. Он был романтиком. Сам себя горделиво называл представителем вымирающего вида. Полон старомодных чувств, он высмеивал все истины, правда, лишь в стенах квартиры или театра, где работал в свободное от науки время. Можно даже сказать, что научная работа была для него социальной ширмой, которой он прикрывался, чтобы не показывать миру настоящего себя. Густав проголосовал за либералов с самого утра и весь день был в приподнятом настроении, испытывая чувство выполненного долга. Несмотря на громкие речи, он был крайне мягким и безобидным человеком. Очень неопрятным, порой неуклюжим, но в какой-то степени милым или даже беззащитным. Он в очередной раз читал произведения из готовящейся постановки их не особо популярного театра, ставящего известные произведения прошлого, давно потерявшие массовую ценность для жителей Объединенной Азии. Артур поднял голову:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.